

Вера Поцци

Проблемы онтологии и критика кантовского формализма в “*Institutiones Metaphysicae*” И.Я. Ветринского* (Часть II)

Поцци Вера – PhD, научный сотрудник Школы философии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: vera.pozzi05@gmail.com

Данная статья является продолжением статьи «“*Institutiones Metaphysicae*” И.Я. Ветринского и Санкт-Петербургская Духовная Академия». В ней детально анализируются проблемы онтологии в учебнике Ветринского “*Institutiones Metaphysicae*” [Основы метафизики], а также критика, высказываемая автором в адрес так называемого формализма кантовской философии. В статье рассматривается обсуждение Ветринским кантовской теории трансцендентальных форм чувственного созерцания и интеллекта. Автор утверждает, что Ветринский был не только хорошо знаком с трудами Канта и мог оценить их новаторское значение, но он также хорошо знал немецкие учебники и пользовался ими, создавая собственный эклектичный труд, чтобы отстоять традиционную метафизику. Однако было бы ошибкой считать, что Ветринский полностью отвергает точку зрения Канта, просто отстаивая традицию.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, русское Просвещение, раннее кантианство в России, история русской философии, история метафизики, Санкт-Петербургская духовная академия, Г.И. Венцель, И.Я. Ветринский

I. Онтология в “*Institutiones Metaphysicae*”

Первая часть метафизики Ветринского – «Онтология, или Учение о Вселенной» (“*Ontologia seu doctrina de Universo*”) – посвящена изложению теории форм чувственности и категорий интеллекта, в котором Ветринский широко опирается на «Метафизику чувственного мира, или Онтологию» (“*Metaphysica mundi sensibilis seu Ontologia*”) из «Начал» Венцеля, а также на цитаты из сочинений Канта. Он начинает с соображений о понятии Вселенной как синтезе объективного и субъективного, которое становится предметом нашего интеллектуального размышления: проблема, с которой приходится сталкиваться философии в этой связи, – отмечает Ветринский, в том числе следуя Рейнгольду [см. *Wetrinskj*, 1821, § 24, p. 32], – касается возможности или невозможности для нас свести этот синтез к единству высшего порядка, а не к чисто формальному единству, причем к единству, доступному пониманию. Решение Рейнгольда, настаивающего на дуализме чистой мысли (“*vis cogitandi pura*”), которая отождествляется с Богом, и *вечной первозданной материи*, не может быть

* Работа выполнена в рамках научного сотрудничества в Школе философии Национального исследовательского университета Высшей школы экономики. Сотрудничество продолжалось с сентября 2017 г. по август 2018 г.

признано удовлетворительным, поскольку, пытаясь уйти от чистого идеалистического субъективизма и от материалистического объективистского реализма, оно сохраняет двойственность принципов, а это приводит к тому, что эти принципы друг друга взаимно ограничивают, «хотя ограничение противоречит природе абсолютного существа, то есть Бога» [ibid., p. 33]. Необходимо учитывать подобные соображения, чтобы понять, каким образом Ветринский опирается на Венцеля, обсуждая априорные условия опыта.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что Венцель приходит к этой теме не тем же путем, которым идет Ветринский, т. е. **не через проблему единства метафизического синтеза всеполноты существования**: скорее, он опирается на критику идеализма, материализма и скептицизма, цель которой – утвердить prerogatives сознания Я (“Ego”) в теоретической и моральной связи с его необходимым коррелятивом, не-Я (“non Ego”). Как было сказано выше, подобная перспектива учитывает ряд достижений немецкой посткантовской философии и подталкивает Венцеля к тому, чтобы разобрать априори в ряду последовательности аргументов, в которой вначале появляются факторы, от которых зависит определение сознания относительно объекта – чувственность (“sensualitas”) и интеллект (“intellectus”). Затем обсуждается тема форм чувственной интуиции или созерцания и категорий интеллекта или рассудка. Ветринский же, наоборот, прямо переходит от общего вопроса онтологического принципа к вопросу априорности¹.

Как и раньше, описание двух форм трансцендентальной эстетики, которому посвящены § 25–26 книги Ветринского [ibid., p. 33–36], представляет собой краткое изложение текста Венцеля, который в пяти пространных параграфах (§ 22–26) пересказывает первую часть «Трансцендентального учения о началах» из «Критики чистого разума». При этом Венцель спорит с тем, что реальность пространства и времени является эмпирическим источником их представления, и проводит сравнение с иными философскими позициями – с реализмом, который он приписывает Аристотелю и Платону, и с позицией, опирающейся на связь субъект-объект, которую поддерживали последователи Лейбница и Вольфа, как приводя аргументы в защиту предложенной им теории, так и отвечая на возможные возражения [см. Wenzel, 1807, § 22, p. 35–44]. Достаточно указать на некоторые отклонения, которые, на наш взгляд, для Ветринского являются показательными. Так, у него не остается и следа от замечания, которое делает Венцель в параграфе, где вводится тема форм чувственности и интеллекта: «На их основе предметы определяются нашим Я, а не-Я определяется предметами, объективный мир является лишь чем-то пассивным, а наше Я – лишь деятельностью» [ibid., p. 35]. Эта оппозиция отражается в исключительной активной природе, которая, как подчеркивает выше Венцель, представляет собой характер души, а она, как учил Кант, обладает прирожденной «самодеятельностью» (“spontaneitas”) [см. ibid., § 18, p. 27], которую тем не менее не следует смешивать со своего рода продуктивной абсолютностью Я относительно объективности. Венцель замечает: «Абсолютная причина... всякого сознания скрыта одновременно в *имеющем представлении Я* и в *представленном Не-Я*, то есть в предмете; таким образом *Не-Я*, то есть предмет, возбуждает самодеятельность *моего я*, а вследствие этого возбуждения Я оборачивается к предмету, узнает себя в предмете, осознает себя и предмет, воспринимает предмет как нечто не самодеятельное вне себя» [ibid., § 20, p. 31].

Ветринский, со своей стороны, просто отмечает, что «в ум... не может быть допущена никакая иная причина представления, кроме восприимчивости или спонтанности» [Wetrinskij, 1821, § 26, p. 35], об этом сказано и у Канта [см. Kant, 1796–1798, Т. I, p. 53]. Он подчеркивает, во-первых, что лишь сведя две формы времени и пространства к спонтанности ума, возможно составить отчет о *бесконечности*, которая

¹ Следует указать на то, что у Ветринского глава «О чувственных и интеллектуальных формах вещей» идет третьей, хотя по порядку должна быть второй; ошибка в нумерации сохраняется и в следующих главах.

им свойственна в смысле более общих координат существования конечных существ, поскольку бесконечность никоим образом невозможно свести к конечному, являющемуся предметом опыта. Впрочем, с другой стороны, эти две формы чувственного созерцания, в свою очередь, не могут «распространиться за пределы феноменального мира, а следовательно, не могут применяться к абсолютным существам» [Wetrinskj, 1821, § 26, p. 35–36], т. е. к началу и главному основанию существования, которое, по мнению Ветринского, относится исключительно к одной метафизике. Что же касается изначальных форм мысли, представляющих собой категории интеллекта, они не только не содержат ничего чувственного, «но выражаются умом с этой целью: чтобы все чувственные вещи, сведенные к некоему единству, могли быть помыслены» (“sed etiam eum in finem a mente humana producuntur, ut sensibilia quaeque ad aliquam unitatis speciem redacta cogitari possint”) [ibid., § 27, p. 36]. Само по себе это утверждение не является несовместимым с тем, что утверждает Кант, хотя указание на цель не соответствует общей интонации «Трансцендентальной аналитики», на которую опирается Ветринский.

С другой стороны, здесь проявляется особенность изложения у Ветринского, который решает предварить подробное обсуждение категорий чрезвычайно общим и расплывчатым указанием на кантовскую теорию схематизма, интересующую Ветринского лишь постольку, поскольку она является посредником между «материей», которую предлагают чувства, и интеллектуальной мыслью (“cogitatio”), которая подчиняется формальному категориальному аппарату, описанному Кантом и, как говорит Ветринский, «произведенному моим собственным умом». Когнитивное использование категорий требует установления определенной однородности между ними и предметами, к которым они применяются. «Но поскольку категории отличны от доступных чувствам вещей, – пишет Ветринский, – и категории в них никогда не уловить... нужно третье представление, которое отчасти должно походить на категории, а отчасти на вещи, чтобы одни можно было приложить к другим. Это промежуточное представление – чистая форма времени» [ibid.]².

Так Ветринский, не называя прямо, намекает на то, что Кант называл «трансцендентальным схематизмом»: это одно из самых проблематичных и спорных положений первой «Критики», которое Венцель вовсе не упоминает в своих «Началах», предпочитая связать формы интуиции/созерцания с категориями через проблематику суждения. Ветринский же обходится несколькими фразами (которые ничего не объясняют), опираясь непосредственно на латинский перевод Канта³. В результате получается сухой список «соответствий» между способами представления времени и категориальными формами. Ощущение пропасти между двумя философами, возникавшее и ранее, становится еще отчетливее в следующем параграфе, который Ветринский озаглавил «Как оценить разделение вещей на определенные классы, которые называются родами и видами и которые относятся к категории количества?». Он затрагивает тему рода и вида, о чем Кант рассуждает в первом пункте «Приложения к трансцендентальной диалектике» – «О регулятивном применении идей чистого разу-

² Для сопоставления текста с переводом Борна (см. следующее примечание) приводим латинский оригинал: “Quoniam vero categoriae a rebus sensibus subjectis sunt diversae, neque unquam in aliqua re poterunt deprehendi... hinc quaedam tertia requiritur repraesentatio, quae partim categoriis, partim affectionibus rerum similis esse debet, ut illarum ad has applicatio sit possibilis. Haec intermedia repraesentatio est pura forma temporis”.

³ Приведем лишь несколько отрывков из перевода Борна, чтобы показать соответствие лексики и отдельных выражений [Kant, 1796–1798, p. 119–120]: “...Iam vero **conceptus puri intelligentiae, cum empiricarum...** visionum prorsus dissimiles sunt, neque unquam poterunt in aliqua visione deprehendi... Iam perspicuum est, esse quiddam tertium debere, quod partim categoriae simile esse, partim visi oporteat, et quo fiat, ut illius in hac esse visus possit... Notione intelligentiae continetur unitas pura synthetica variorum in genere. Tempus quod in lege cernitur formali variorum sensus interni, proinde coniunctionis omnium repraesentationum, varietatem complectitur ex anticipatione in visione pura”. Можно привести и другие примеры, подтверждающие, что Ветринский был знаком с этим текстом (см. [ibid., p. 122–123]: о схемах, соответствующих отдельным категориям).

ма» [см.: Wetrinskj, 1821, § 28, p. 38–40; Kant, 1796–1798, p. 445 ff.]⁴. Если Кант разбирает эту тематику в свете регулятивного применения, то Ветринский пишет о «спорах» между философами, касающихся чисто «формальной» или «реальной» природы этих классов, утверждая, что если нам не дано познать ничего другого, «кроме того, что показывает нам опыт», эти классы окажутся совершенно произвольными и у нас не будет никакой возможности узнать, соответствуют они вещам или нет: «...но если утверждать и суметь точно доказать, что мы не только можем познать вещи такими, какими они являются нашим чувствам, но и такими, какими они являются в себе, тогда мы можем установить классы, подходящие им по природе и выражающие их суть» [Wetrinskj, 1821, § 28, p. 38].

Среди названных классов некоторые известны априори, другие зависят от опыта. Первые позволяют нам разделять три фундаментальные сферы вещей: «неорганическую» природу, «органическую» природу и «мыслящую» природу, «которые вместе составляют единую Вселенную»; остальные же классы более низкого порядка определяются, по крайней мере отчасти, на основе опыта. Чтобы уверенно перейти к определению «составных классов вещей» (“in constitutivis rerum classibus”), достаточно следовать некоторым простым точным правилам при отборе полученных эмпирически знаний. Вывод Ветринского такой: «Если разделение вещей на классы установлено так, чтобы соединить вместе опыт, принципы разума и всеобщие законы природы, тогда нельзя будет сказать, что подобные разделения *произвольны*, их можно будет с полным правом перенести на саму природу» [ibid., p. 39–40].

Таким образом, на страницах книги Ветринского рождается переплетение между кантовским трансцендентализмом, из которого в принципе должна вытекать феноменалистская эпистемология, и своего рода эмпирическим реализмом, получившим более современное звучание благодаря указаниям на экспериментальную науку⁵, но защищенным метафизическим разумом, который должен гарантировать доступ к абсолютному существу. Тем не менее путь, которым Ветринский движется через современную ему философию, особенно через кантианство, сколь бы он ни был окольным и ориентированным на положения метафизики, не вполне восприимчивые к достижениям критицизма, был не случайным и не внешним. Именно в этом смысле следует трактовать то большое значение, которое в дальнейшей части «Основ» будет иметь опора на Венцеля, хотя открыто об этом автор и не говорит: Венцель, рядом с которым периодически появляется Карпе, для Ветринского является своего рода дантовским Вергилием, проводником по территории критического и докритического кантианства, однако, как мы видели ранее, и здесь ученик решает, каким путем пойдут его провожатый и куда они заходить не станут.

II. Критика кантовского формализма

Главы IV–VII (§ 28–63) первой части метафизики Ветринского, т. е. «Онтологии», посвящены разбору четырех классов кантовских категорий. Как и у Венцеля, этот разбор помогает рассмотреть ряд понятий, которым в науках о природе отводится основополагающая роль (движение, материя, сила, элементарные структуры физической реальности и т. д.). В главе о категории качества Венцель разворачивает широкое обсуждение «Теории материи, движения и покоя» [Wenzel, 1807, § 31, G, p. 57–74], которую Ветринский подхватывает в § 35 своей книги, озаглавленном «Что такое материя и движение и как подразделяется движение?» [Wetrinskj, 1821, p. 43–46]. Ветринский затрагивает проблематику, которой Кант занимался в «Метафизических началах есте-

⁴ См. [Кант, 1994а, с. 481 и далее].

⁵ Среди правил, которых следует придерживаться при опоре на опыт, Ветринский включает следующие: «2. Не следует ограничиваться общим опытом, нужно также пользоваться искусственным опытом, то есть сочетанием чувств и экспериментов. 3. Наблюдения, каковы бы они ни были, нужно соединять с принципами разума, именно так следует строить серии [или классы] вещей» [ibid., p. 39].

ствознания» в 1786 г. (“Elementa metaphysica Physices” в переводе Борна), – Венцель, не называя прямо это сочинение, все же учитывает его, поэтому его отзыв слышен и у русского ученого. Дав детальную классификацию различных типов движения с опорой на категории (т. е. в соответствии с правилом, которое Кант устанавливает для себя в упомянутых выше «Началах») [см. Kant 1796–1798, Т. II, р. 150; Кант 1994б, с. 259], Венцель ставит вопрос, явно вызывающий философский интерес: «Имеется (daturne) ли движение?». Он подробно рассматривает различные решения, которые предлагались в этой связи, начиная с античных скептиков до своего времени, а в заключение предлагает феноменилистский ответ, который тем не менее учитывает необходимую связь, существующую между феноменом и ноуменом [Wenzel, 1807, § 31, G, р. 60–65]. Не удивительно, что Ветринский пропускает всю эту дискуссию, но не следующий абзац, в котором нетрудно расслышать эхо полемики Канта с Ньютоном: «Поскольку движение – предмет опыта, оно лишь *относительно*. Поэтому не имеется (datur) *абсолютного* движения; если бы оно было дано, его можно было бы ощутить в нематериальном, то есть чистом пространстве; однако движение невозможно ощутить там, где не имеется (dantur) никакого места, потому что подобное пространство обладает лишь идеальной реальностью, а значит, нет никакого движения, которое можно было бы ощутить в подобном пространстве; но неощутимое движение – не движение, значит, не дается абсолютного или чистого движения; скорее, если есть движение, оно относительно, то есть его можно ощутить лишь в материальном пространстве, к которому оно имеет отношение» [Wetrinskj, 1821, § 35, р. 45–46].

Данный отрывок, полностью приведенный Венцелем [см. Wenzel, 1807, § 31, G, р. 66], Ветринский также пересказывает, ссылаясь на сделанный Борном перевод «Форономии» из «Метафизических начал» Канта, где ложная идея об абсолютном движении отвергается так же, как и ньютоновская идея абсолютного пространства [см. Kant 1796–1798, Т. II, р. 153–155]⁶; однако аргументация Ветринского безусловно восходит к Венцелю, а не к Канту, несмотря на то, что, по сути, аргументы Ветринского близки тому, что сказано в «Метафизических началах» Канта. Подобная ситуация неоднократно повторяется в сочинении Ветринского, в том числе когда от тем «Форономии» он переходит к темам «Динамики», упомянув о других двух разделах «Метафизических начал» Канта – «Механике» и «Феноменологии»: параграфы (36–42) “Institutiones” расположены, как и у Венцеля. Речь в них идет о материи, которая заполняет пространство, благодаря наполняющей его движущей силе (“vis motrix”), о притяжении и отталкивании, о непроницаемости материи и о пределах ее способности к расширению, о пустоте и о покое. В тексте постоянно возникают термины и аргументы из латинского текста Канта в переводе Борна – таким образом, Ветринский продолжает излагать, хотя и умалчивая о многом, философскую проблематику, связанную с новейшими спекуляциями. Его небольшое сочинение свидетельствует о том, что есть иной горизонт, чем тот, которым ограничивались учебники Винклера и Баумейстера, Баумгартена и Билфингера. При этом источники интерполируются между собой: например, Венцель и Карпе, когда речь идет о делимости «физической материи», – эта тема служила введением в одну из тем учебных пособий Вольфа, монадологию. Относительно нее Венцель приходит к следующему, опирающемуся на Канта, заключению: «*Материя неделима с точки зрения нашей чувственной природы, а не как Феномен; с этой точки зрения имеются (dantur) простые вещи, неделимые Элементы мира. Материя же делима до бесконечности с точки зрения рациональной природы, как Ноумен, существо в себе, с этой точки зрения не имеется (datur) простых вещей. В этом смысле мы не рассматриваем ни Атомы, ни Монады*» [Wenzel, 1807, § 31, H, р. 78–79].

Следуя последовательности аргументов, данной Венцелем, Ветринский разбирает тему делимости материи после того, как рассуждает о покое; свое изложение он начинает с повторения первых слов Венцеля о том, что физическое разделение происходит

⁶ Русский перевод: [Кант, 1994б, с. 263–265].

только в реальных соединениях. Затем он отходит от текста Венцеля и заимствует у Карпе то, что он называет «причинами, в силу которых мы утверждаем, что тела состоят из простых начал», – ради краткости мы не станем излагать здесь эти причины, но подчеркнем, что Ветринскому они позволяют обойти тему бесконечной делимости. Допустить бесконечную делимость означало бы превратить само соединение «в последнюю причину соединения, тогда ничего из тела не мыслилось бы как первое», кроме того, в силу необходимой корреляции между понятиями тела и пространства принятие бесконечной делимости тел означало бы неразличение конечного и бесконечного пространства (между двумя разными частями пространства, занятыми частями тела, оказалось бы бесконечное множество (“*infinita multitudo*”) других частей), а с этим нельзя согласиться в силу противоречивости данного утверждения [см. Wetrinskj, 1821, § 43, p. 50–51; Карпе, 1804, § 16, p. 16–17]⁷. Ветринский вместе с Карпе остается в плоскости физического рассмотрения проблемы, его соображения соответствуют тому, что было известно, например, по учебнику Баумейстера [Baumeister, 1767]⁸, зато Венцель придерживается кантовского принципа двойственности планов, согласно которому следовало рассматривать этот вопрос. То, что Ветринский не идет в этом за Венцелем, с одной стороны, свидетельствует о потребности построить метафизическую аргументацию как рассуждение, где всегда дается *последний* ответ, который, в свою очередь, не подвергается сомнению и не рождает новых вопросов, – проблематичный характер размышлений Канта не удовлетворяет эту потребность или делает это с такой аналитической тонкостью, которая, видимо, казалась Ветринскому неубедительной если не с теоретической, то, по крайней мере, с дидактической точки зрения.

Тем не менее ниже, когда речь заходит о понятиях атома и монады, Ветринский вновь опирается в первую очередь на Венцеля – и в том, что касается историко-философского экскурса об этих понятиях, и семи пунктов, в которых синтетически излагается учение, сформулированное Лейбницем в «Монадологии» [см.: Wetrinskj, 1821, § 45; Wenzel, 1807, § 31, I, p. 81–82]⁹; та же зависимость предлагается в отношении трех законов механики, которые Кант обсуждает в «Метафизических началах» [см.: Wetrinskj, 1821, § 46–48; Wenzel, 1807, § 31, K, p. 86 ff.]: закон непрерывности, инерции (Кант с этим названием не согласен) и антагонизма (так Венцель и Ветринский называют закон взаимодействия).

Связь между двумя авторами, которая остается тесной на протяжении всего изложения тем, касающихся категории количества, заметно слабеет, когда речь заходит о категориях качества и отношения. Ветринский отходит здесь и от теории Канта. Уточнив, что он будет опираться на категорию качества как относящуюся к «явлениям вещей, а не ума», Ветринский перечисляет их: тождество, различие, подобие, равенство (“*identitas, diversitas, similitudinis, aequalitas*”). Таким образом, мы имеем дело с чем-то совершенно отличным от соответствующих понятий у Канта: достаточно упомянуть о том, что определение тождественного и различного у Ветринского очень близко тому, что дается в “*Institutiones metaphysicae*” Баумейстера [см.: Wetrinskj, 1821, § 49, p. 55; Baumeister, 1754, p. 87, 89].

Интереснее то, что Ветринский издали следует за Венцелем, когда решает рассуждать об определенностях, лежащих в основе взаимной различимости существ: «*Качество, или определенность*, – пишет Венцель, – это знак или характер, благодаря

⁷ Можно добавить, что Кант поставил и иначе решил эту проблему еще в написанной до «Критики чистого разума» «Физической монадологии» 1756 г., в четвертом и пятом предположении. Он вернется к этой теме спустя тридцать лет в определении 5, теореме 4 и примечаниях в «Динамике» из «Метафизических начал».

⁸ В главе V «Общей космологии» он пишет, к примеру, что первичные элементы тел должны быть простыми, потому что, будь они, напротив, сложными, они одновременно являлись бы первичными и непервичными: “*Quod vero, cum sit contrarium principio contradictionis, manifestum est elementa corporum prima non posse esse composita*” [Baumeister, 1767, § 452, p. 205].

⁹ Очевидно, что сравнение двух философов с точки зрения глубины освещения различных философских тем свидетельствует отнюдь не в пользу Ветринского.

которому можно отличить одно существо от другого» (“*Qualitas seu determinatio est nota seu character, ore cuius ens ab ente discerni potest*”)» [Wenzel, 1807, § 32, A, p. 93]. Но если Венцель в этой связи обыгрывает особенно взаимосвязь реальности и отрицания, то Ветринский обращается к паре тождество/различие, останавливаясь также на противоположном и противоречивом, т. е. **на формах оппозиции в различии**, которые, как нам известно, составляют преобладающий характер проявления объектов опыта¹⁰. Когда же, подобно Венцелю, он переходит к теме «Что такое сущность?», он полностью опускает аргументы, которые приводит богемский философ, чтобы доказать, что нам не дано познать в них самих сущности реальных объектов. В ходе доказательства Ветринский обсуждает тезис Фихте, согласно которому Я все же доступна собственная сущность, – он ограничивается тем, что повторяет определения, от которых зависит наша возможность узнавать некоторые предсказуемые черты предмета в силу необходимости, неизменности и т. д., как не имеющие отношения к его сущности [см.: Wetrinskj, 1821, § 50, p. 56–57; Wenzel, 1807, § 32, E, p. 99–100]¹¹. На этой основе оба философа наконец переходят к рассмотрению принципа неразличимости Лейбница, однако они стоят на противоположных позициях: если Венцель заявляет, что он имеет чисто логическое значение («Кантианцы приписывают этому принципу только логическое или формальное значение»), то Ветринский полагает, что этот принцип можно принять как имеющий отношение к природе: противопоставление – условие всякого действия и производства, какое бывает в природе, и, «чтобы вещи могли действовать, они должны быть хоть как-то противоположны; если же имелись полностью подобные друг другу вещи, не могло бы быть, невозможно было бы помыслить между ними никакого действия и реакции, никакого сношения» [Wetrinskj, 1821, § 51, p. 57]¹².

Но если на этих основаниях попытаться утвердить метафизический статус принципа неразличимости, то это же можно будет сказать и о различии, противоположностью которого является спецификация, а значит, речь идет и о категории качества, и о категориях вообще. Здесь в очередной раз подвергается сомнению феноменализм Канта, поскольку Ветринский, с одной стороны, не принимает дистанцию, которую Кант устанавливает между возможностью познания и ноуменом, предлагая, наоборот, говорить о центральном месте божественной субстанции на метафизическом горизонте [см. Wetrinskj, 1821, § 53, p. 59], а с другой стороны, он утверждает, что «во всей природе вещей» всякая субстанция в некотором смысле является акциденцией, и наоборот, «нет в природе вещей ни абсолютной субстанции, ни абсолютной акциденции» [ibid., p. 60]. **С метафизической точки зрения кантовская сфера феноменального** вновь становится сферой онтологической нестабильности, санкционированной необходимой связью между субстанцией (природной) и акциденцией. Дело в том, что Ветринский полагает, будто подобные взгляды могут опираться на аргументы, непосредственно восходящие к Канту, что ясно из следующего отрывка, который

¹⁰ На самом деле Ветринский не пресекает линию аргументации, которую проводит Венцель (она продолжается в § 32 С “Principium individuitatis et individuationis” и в G “De Realitatis opposito et Reali absoluto”), но изолирует ее, перенеся в отдельный параграф – § 52 «Каково значение понятий положительного и отрицательного существа» (“Quid est significatus conceptuum de ente positivo et negativo”), в котором он поддерживает тезис, получивший особое развитие у последователей Спинозы: отрицание – необходимая функция для определения конечных существ. В этом смысле он уточняет: “Quoad notiones realitatis et negationis observandum est, nullam dari in rerum natura nec absolutam negationem, nec absolutam realitatem. Quaelibet realitas certo respectu est negatio, uti quaelibet negatio certo respectu est realitas” [Wetrinskj, § 52, p. 58].

¹¹ Однако перечень прерогатив сущности во многом перекликается с работой Баумейстера [Baumeister, 1754, IV, p. 54–58].

¹² Венцель ясно утверждает: «Среди миллионов людей не отыскать двоих, совершенно похожих друг на друга. Следовательно, утверждение Лейбница [то есть принцип неразличимости] несомненно обладает эмпирической универсальностью, но не имеет никакой абсолютной универсальности и... касательно формы мысли, это лишь Логический принцип, который в Метафизике сегодня больше не играет никакой роли» [Wenzel, 1807, § 32, F, p. 101].

Ветринский заимствует у Венцеля, но который одновременно отсылает к тому, что можно прочесть в «Первой аналогии опыта», включенной Кантом в «Критику чистого разума»: «Восприятие... изменений неизбежно связано с восприятием времени: однако как время нельзя воспринять иначе, как через реальность, которая в нем существует, так и изменение акциденций невозможно воспринять иначе, как посредством длящейся реальности. То, что длится, – это субстанция, в которой происходит изменение: значит, там, где мы наблюдаем нечто изменчивое или акцидентальное, есть и то, что длится, то есть субстанция» [Wetrinskj, 1821, § 54, p. 60–61]¹³.

Ясно, что мы оказались в категориальном классе отношений, в который попадает пара субстанция/акцидентия, если в данном случае субстанция выступает синонимом того, что остается вне изменений, т. е. как состояние природных существ, которые предстают перед нами в процессе преобразования. В других местах Ветринский говорит о субстанции как об *активном* начале: «...о том, что остается всегда идентичным при изменении вещей». Данное определение позволяет связать это понятие как с абсолютной субстанцией, т. е. с Богом, который «одновременно является причиной всех видимых вещей», так и со всякой другой абсолютной субстанцией в относительном смысле, т. е. как тождества, которое подвергается изменениям [см. *ibid.*, p. 59]. Перед лицом абсолюта, продолжает Ветринский, все субстанции Вселенной являются «акциденциями». Отсюда он делает вывод, что «субстанция Вселенной состоит из первичных сил, которые, развиваясь в различном количестве, пропорции и степени, до бесконечности производят разнообразие предметов» [*ibid.*, p. 60]. Эти соображения напоминают то, что изложено во «Второй аналогии» из «Критики чистого разума» Канта, но они также совместимы с рядом тезисов о субстанции, которые сформулировал или процитировал вольфианец Баумейстер: «§ 303 Мы называем *субстанцией* субъект, который может длиться или изменяться, то есть поддерживает акциденции и способы... *Лейбниц* и вместе с ним многие другие определяют *субстанцию* как существующее, даваемое силой действовать, или, что то же самое, как то, что содержит в себе причину своих изменений» [Baumeister, 1754, p. 207–208]. То, что Ветринский подчеркивает активный характер субстанции, может быть связано с концепцией Лейбница. Важно и то, что этот характер ясно описан в разделе «О природе и определениях существа, рассматриваемого в себе», которым Дарьес открывает «Онтологию» в своих «Началах метафизики» [см. Darjes, 1743, p. 159 ff., особенно глава II, p. 168 ff.]: это отражается и на самом понятии субстанции – в частности, на особом внимании к теме «силы» в ее различных проявлениях. Одним словом, Кант широко присутствует в сочинении Ветринского, но то, как Ветринский развивает его идеи, Канту показалось бы чересчур ограниченным.

Тем не менее речь идет о рассмотрении идей Канта в ином контексте, которое, возможно, и не является чем-то особенным, не позволяет говорить об абсолютной оригинальности труда Ветринского, но более отчетливо характеризует его облик. В подтверждение этого упомянем о дискуссии по поводу «сил», которые составляют суть Вселенной. Ветринский опирается на сложное рассмотрение вопроса причинности у Венцеля, вслед за ним он делит силы на простые (*primitivae*) (или первозданные) и производные [см.: Wetrinskj, § 55, p. 61; Wenzel, 1807, § 33, p. 131]. Лексически это различие также восходит к «Началам» Дарьеса [см. Darjes, 1743, § 62, p. 197]¹⁴, Венцель его развивает, подчеркивая, применительно к первому типу сил, что они «простые (*primitivas*) лишь по отношению к нашему интеллекту», потому что мы не можем приблизиться к субстанциям в себе [Wenzel, 1807, § 33, p. 131]. У Ветринского сказано иначе: «...нам никак невозможно познать первичные силы исключительно через опыт, сделать это можно лишь с помощью идеальной конструкции возможности природы»

¹³ См. [Wenzel, 1807, § 33, D, p. 107]. Этот текст, который Ветринский воспроизводит почти дословно, следует понимать в свете «Критики чистого разума»: см. [Kant, 1796–1798, T. I, p. 151].

¹⁴ Дарьес связывает тематику, обсуждаемую в этом разделе, с физикой Ньютона: см. [Darjes, 1743, § 46, p. 190].

[Wetrinskj, 1821, § 55, p. 61]¹⁵. Но в данном случае эта идеальная конструкция представляет собой образ реальности, основанный на равновесии и неравновесии самых разных сил, способных обеспечить существование Вселенной лишь через свою деятельность – деятельность, которая неизбежно является непрерывной, а значит, продолжается и когда эти силы внешне прекращают свое действие. Модель, к которой отсылает этот образ, очевидно, совпадает с тем, что предлагает динамическая онтология, предполагаемая теорией малых перцепций Лейбница [см. *ibid.*, p. 62]. Одним словом, Ветринский в очередной раз словно отступает перед фундаментальными различиями критицизма Канта: различием понятий рассудка и идей разума, трансцендентальной и метафизической дедукций, которые у Ветринского размываются – возможно, под влиянием Рейнгольда. Так, рассуждая о существовании, категории модальности или «отношении вещей с умом», Ветринский, как обычно, заимствует у Венцеля сведения об истории и критике этого понятия (ссылаясь на Кр. Шайблера, А.Г. Баумгартена, Дарьеса, Крузия и Вольфа) и об остальных связанных с ним вопросах. Однако затем он пишет: «Понятие существования рождено не чувствами и не опытом, изначально оно находилось в самой природе интеллекта, поэтому оно не эмпирическое, а чистое» [*ibid.*, § 61, p. 69]¹⁶. Пока мысли Ветринского не противоречат априоризму Канта. Но тут он прибавляет: «Существование не отличается от необходимой мысли; скажем, что существуют вещи, о которых мы необходимо мыслим, но эта необходимость мыслить существует *a priori* или *a posteriori*. Даже если мы не воспринимаем определенные вещи чувствами или вообще не способны их воспринять, чтобы допустить их существование, достаточно, чтобы мы необходимо мыслили их» [*ibid.*].

В общем, может случиться, что существование эмпирических реальностей будет необходимо подразумевать существование чего-то, что не подвластно чувствам: принятие невидимой предпосылки может быть необходимым условием видимого, в подобном случае реальность первого будет не менее достоверной, чем реальность второго. Определение существования, к которому Ветринский, наконец, приходит и которое кажется списанным с определения Венцеля, следующее: «Существование это такая связь вещей с умом, в силу которой вещи полагаются или как отличные от ума и воспринимаемые при помощи чувств, или как отличные от ума, но мыслимые только при помощи высшей силы» [*ibid.*, p. 70].

Венцель писал: «Существование – это отношение возможного с нашим Я, которое знает или представляет себя, в силу этого отношения возможное представляется реальным или отличным от нашего Я, или позволяющим себя интуитивно понять» [Wenzel, 1807, § 34, F, p. 152]¹⁷. При этом он сохраняет различие между возможным и реальным, избегая упоминаний о сверхчувственном принципе и о высшей силе, но главное – за рассуждениями о существовании следует пространное обсуждение кантовских понятий феномена, вещи в себе и ноумена. Лишь на этой основе он подходит к идее Бога, в связи с ноуменом, о котором сказано следующее: 1) это «продукт одного чистого разума»; 2) в отличие от вещи в себе он может быть представлен «посредством чистого разума»; 3) в отличие от феномена ему «не соответствует никакое созерцание», а только понятие чистого разума; 4) если феноменальный предмет – то, что по отношению к нашей познавательной способности *существует* и может быть *помыслено*, ноуменальный предмет можно лишь *помыслить* в связи с формами чистого рассудка и чистого разума [см. Wenzel, 1807, § 34, G, p. 157–158]. То обстоятельство, что Ветринский опускает все эти уточнения, свидетельствует о своеобразии, которое следует признать за его изложением метафизической проблематики.

¹⁵ Отметим, что Ветринский полностью заимствует у Венцеля следующий параграф – § 58 “Theoremata de causis et effectibus” [Wetrinskj, 1821, p. 65–66]. См. [Wenzel, 1807, § 33, M, p. 125–127].

¹⁶ Предыдущая, историко-критическая, часть параграфа взята из [Wenzel, 1807, § 34, F, p. 150–152] (у Венцеля речь идет и о Канте, и о Карпе, особенно об исходной немецкой версии текста “Institutiones” – “Philosophie ohne Beynahmen”, – на которую мы ссылаемся).

¹⁷ Ветринский повторяет значительную часть следствия (*corollaria*), которое Венцель излагает после того, как дает свое определение: см. [Wetrinskj, 1821, § 62, p. 70–71].

III. Заключение

Мы вынуждены прервать на этом месте чтение “*Institutiones*” Ветринского. Было бы интересно продолжить разбор до «Естественной теологии», которой завершается книга, чтобы увидеть, с опорой на какие аргументы и на какие иные источники Ветринский пытается убрать границы, в которые кантовская философия намеревалась поместить законное использование теоретического разума. Впрочем, хотя мы и прошли вместе с Ветринским лишь часть пути, мы узнали нечто ценное о восприятии философии Канта в Российской империи в первые два десятилетия XIX в. Во-первых, показательна структура текста, отличающаяся частым использованием техники коллажа, обращением к близким текстам, из которых заимствуются отрывки, постановка проблемы, теоретические вопросы, – все это складывается в книгу, написанную как учебник, отвечающий потребностям своего времени; при этом автор пытается объединить различные философские точки зрения, чтобы добиться результата, совместимого с его собственными взглядами и одновременно учитывающего ограничения, обусловленные практикой преподавания в соответствии с Уставом Санкт-Петербургской академии, а также, возможно, ужесточением цензуры в годы правления Александра I. Во-вторых, отсылки к другим авторам, которых у Ветринского очень много, подтверждают значение философских сочинений, написанных в немецких и австрийских университетах, но главное – заметно, что автор ориентировался на современные ему тексты, обращенные прежде всего к Канту и признающие или не признающие его идеи. В любом случае это не были сочинения, восходившие к Вольфу. Содержащиеся в книге Ветринского возражения против многочисленных глубоких последствий «Коперниканской революции» явно бросаются в глаза и играют далеко не второстепенную роль. Не менее очевидно и то, что Ветринский в своей книге при рассмотрении современной философии исходит из неизбежности сопоставления с мыслью Канта. Отстаивание же метафизических прерогатив разума отсылает к феноменалистской перспективе, в которой Кант рассматривал естественные науки.

Можно сказать, что для такого автора, как Ветринский, вопрос выбора лагеря формулировался приблизительно так же, как и у его западных коллег. Возможно, и для него дело было не столько в том, чтобы понять, в каком лагере сражаться, сколько в попытке обезвредить критический элемент в его наиболее радикальных проявлениях – существенных с точки зрения философии – ради умеренного усвоения этих взглядов, позволяющего заимствовать и у Канта элементы, которые можно вписать в метафизическую перспективу, сделав ее таким образом более сильной и современной и при этом позволив ей сохранить преемственность с традицией и соответствие религиозным принципам. Проведенный нами анализ текста не позволяет сделать выводов, выходящих за рамки того, что относится к личным убеждениям Ветринского. С исторической точки зрения это не является необходимым, зато можно предположить (и в этом смысле мы согласны с Кругловым¹⁸), что Ветринский двигался в направлении эклектического примирения. Осторожное и вместе с тем обильное использование «Начал» Венцеля, то, как решаются проблемы пространства, времени и априорности, судя по всему, говорят в пользу нашего предположения. Результат, который в конечном итоге дает столь «неуважительное» отношение к ортодоксальной мысли Канта, можно сформулировать как утверждение власти разума в том, что касается важнейших принципов, а это приводит к не вызывающему удивления признанию зависимости положительных наук от философии.

Перевод с итальянского языка *А.В. Ямпольской*

¹⁸ См. [Круглов, 2009, с. 362].

Ямпольская Анна Владиславовна – к.ф.н., доцент кафедры художественного перевода Литературного института им. А.М. Горького. Российская Федерация, 123104, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25; e-mail: khomkins@mail.ru

Yampolskaya Anna Vladislavovna, PhD in Romance Philology and in Italian Linguistics, associate professor of the Department of Literary Translation, Maxim Gorky Literary Institute. 25 Tverskoy boulevard, 123104, Moscow, Russian Federation; e-mail: khomkins@mail.ru

Список литературы

- Кант, 1994а – *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3 / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. 740 с.
- Кант, 1994б – *Кант И.* Метафизические начала естествознания // *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 4 / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. С. 247–372.
- Круглов, 2009 – *Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. 568 с.
- Baumeister, 1754 – *Baumeister F.Ch.* Institutiones metaphysicae, ontologiam, cosmologiam, psychologiam, theologiam denique naturalem complexae, methodo Wolfii adornatae. Wittembergae et Servestae: sumptibus Sam. Godoff. Zimmermanni, 1754. 638 p.
- Baumeister, 1767 – *Baumeister F.Ch.* Institutiones Metaphysicae // *Philosophia definitiva hoc est Definitiones philosophicae ex systemate celeb. Wolfii [...].* T. II. Vittembergae: sumptibus Io. Ioach. Ahlfeldii, 1767. 430 p.
- Darjes, 1743 – *Darjes J.G.* Elementa metaphysics. Ienae: apud Christ. Henr. Cunonem, 1743. 300 p.
- Kant, 1796–1798 – *Kant I. I.* Kantii opera ad philosophiam criticam, 4 vols. Lipsiae: impensis E.B. Schwickerti, 1796–1798. 2478 p.
- Karpe, 1804 – *Karpe F.S.* Institutiones philosophiae dogmaticae, perpetua kantianae disciplinae ratione habita, Tomus tertius Metaphysicam complectens. Viennae: sumpt. Christ. Frid. Wappler et Beck, 1804. 158 p.
- Wenzel, 1807 – *Wenzel G.I.* Elementa metaphysices et anthropologiae theoreticae metodo critica adornata. T. II. Lincii: in bibliopolio C.C.R. academico, 1807. 416 p.
- Wetrinskij, 1821 – *Wetrinskij H.* Institutiones metaphysicae. Petropoli: Typis M.C. Iversen, 1821. 145 p.

Problems of Ontology and Criticism of the Kantian Formalism in Irodion Vetrinskii’s “Institutiones Metaphysicae” (Part II)*

Vera Pozzi

National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: vera.pozzi05@gmail.com

This paper is a follow-up of the paper «Irodion Vetrinskii’s “Institutiones Metaphysicae” and the St. Petersburg Theological Academy» (Part I). The issue and the role of “ontology” in Vetrinskii’s textbook is analyzed in detail, as well as the author’s critique of Kantian “formalism”: in this connection, the paper provides a description of Vetrinskii’s discussion about Kantian theory of the *a priori* forms of sensible intuition and understanding. To sum up, Vetrinskii was well acquainted not only with Kantian works – and he was able to fully evaluate their innovative significance – but also with late Scholastic textbooks of the German area. Moreover, he relied on the latter to build up an eclectic defense of traditional Metaphysics, avoiding at the same time to refuse Kantian perspective in the sake of mere reaffirming a “traditional” perspective.

Keywords: Philosophizing at Russian Theological Academies, Russian Enlightenment, Russian early Kantianism, St. Petersburg Theological Academy, history of Russian philosophy, history of metaphysics, G.I. Wenzel, I. Ya. Vetrinskii

* The work was carried out in the framework of scientific cooperation at the School of Philosophy of the National Research University Higher School of Economics. The cooperation has lasted from September 2017 to August 2018.

References

Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], in: Kant I. *Sobranie sochinenii v 8-mi tomakh*, vol. 3 [Collected Works in 8 volumes, vol. 3], ed. by A.V. Gulyga. Moscow: ChORO, 1994. 740 p. (In Russian)

Kant I. *Metafizicheskie nachala estestvoznaniya* [Metaphysical Foundations of Natural Science], in: Kant I. *Sobranie sochinenii v 8-mi tomakh* [Collected Works in 8 volumes], vol. 3, ed. by A.V. Gulyga. Moscow: ChORO, 1994, pp. 247–372. (In Russian)

Kruglov A.N. *Filosofiya Kanta v Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vekov* [Kant's Philosophy in Russia Between the End of the 18th and First Half of the 19th century]. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya", 2009. 568 p. (In Russian)

Baumeister F.Ch. *Institutiones metaphysicae, ontologiam, cosmologiam, psychologiam, theologiam denique naturalem complexae, methodo Wolfii adornatae*. Wittembergae et Servestae: sumptibus Sam. Godoff. Zimmermanni, 1754. 638 p.

Baumeister F.Ch. *Institutiones Metaphysicae*. In *Philosophia definitiva hoc est Definitiones philosophicae ex systemate celeb. Wolfii* [...]. T. II. Vittembergae: sumtibus Io. Ioach. Ahlfeldii, 1767. 430 p.

Darjes J. G. *Elementa metaphysics*. Ienae: apud Christ. Henr. Cunonem, 1743. 300 p.

Kant I. *I. Kantii opera ad philosophiam criticam*, 4 vols. Lipsiae: impensis E.B. Schwickerti, 1796–1798. 2478 p.

Karpe F.S. *Institutiones philosophiae dogmaticae, perpetua kantianae disciplinae ratione habita, Tomus tertius Metaphysicam complectens*. Viennae: sumpt. Christ. Frid. Wappler et Beck, 1804. 158 p.

Wenzel G.I. *Elementa metaphysices et anthropologiae theoreticae metodo critica adornata*, T. II. Lincii: in bibliopolio C.C.R. academico, 1807. 416 p.

Wetrinskj H. *Institutiones metaphysicae*. Petropoli: Typis M.C. Iversen, 1821. 145 p.